Woman in Russian Society
2021. No. 3. P. 53—70
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.5

Женщина в российском обществе
2021. № 3. С. 53—70
ББК 60.543.139
DOI: 10.21064/WinRS.2021.3.5

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ОБРАЗОВАНИЯ НА ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ УРОВНЕЙ ОБЩЕЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИИ

М. Е. Баскакова[a, b]

[a] Институт экономики, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
baskakovame@mail.ru

[b] Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва, Россия

Исследуется влияние гендерных различий в образовании населения на формирование устойчивого превышения уровня общей безработицы мужчин над уровнем общей безработицы женщин в современной России. Показывается, что на российском рынке труда женщины по многим параметрам до сих пор остаются менее конкурентоспособными по сравнению с мужчинами, что проявляется в том числе при приеме на работу и увольнении, в продолжительности безработицы. Доказывается, что более высокий уровень образования значительно и практически одинаково сокращает риски попадания в ситуацию безработицы и у женщин, и у мужчин. При этом экономически активные россиянки существенно лучше образованы: среди них две трети имеют высшее или среднее профессиональное образование, в то время как среди мужчин — только половина. Такая гендерная асимметрия образовательных структур, при всех прочих равных условиях, предполагает более низкие риски потери работы у всей совокупности работающих женщин по сравнению с мужчинами и соответственно является одним из факторов формирования гендерного разрыва уровней общей безработицы, благоприятного для женщин, маскируя существование дискриминационных практик на рынке труда. Расчеты показали, что, при условии идентичности образовательных структур мужчин и женщин, различия уровней их общей безработицы были бы существенно меньше существующих или имели даже обратный знак, т. е. в целом оказались бы более благоприятными для мужчин. Статья основана на данных выборочных обследований рабочей силы, проведенных Росстатом в 1992—2020 гг.

Ключевые слова: уровень безработицы, образование, гендер, дискриминация, рынок труда.

© Баскакова М. Е., 2021

ON THE IMPACT OF EDUCATION ON THE GENDER GENERAL UNEMPLOYMENT GAP IN RUSSIA

M. E. Baskakova[a, b]

[a] Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, baskakovame@mail.ru

[b] Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation

The article examines the influence of gender educational differences on the stable excess of the men general unemployment level over the women one in modern Russia. Women are still less competitive compared to men in many aspects in the Russian labor market, including the inequalities in recruitment and dismissal and the unemployment duration. We prove that a higher education level significantly and almost equally reduces the risks of unemployment for both women and men. At the same time, economically active Russian women are significantly better educated. Two-thirds of them have tertiary or secondary professional education, while only half of men possess the same educational level. This gender asymmetry of educational structures, all other things being equal, implies lower risks of job loss for working women as a whole compared to men. This is one of the factors of the gender gap in the general unemployment rates favorable for women and disguises the existence of discriminatory practices in the job market. Calculations show that if the educational structures of men and women were identical, the differences in the general unemployment rates would be significantly less than the existing ones or even have the opposite sign, that is they would be more favorable for men. The article is based on the data from sample Labor Force Surveys conducted by Rosstat in 1992—2020.

Key words: unemployment rate, education, gender, discrimination, labor market.

Введение

В России параметры общей безработицы (в соответствии с методологией Международной организации труда (МОТ) к таким безработным относятся лица в обследуемом возрасте, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы; занимались поиском работы в течение последних четырех недель; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели) по международным меркам невелики, а гендерная асимметрия уровней[1] и масштабов такой безработицы уже несколько десятилетий благоприятна для женщин. На первый взгляд такое положение вещей говорит об отсутствии у экономически активных женщин каких-либо проблем на национальном рынке труда. Однако статистические данные и результаты исследований свидетельствуют об обратном. В этой связи встает вопрос, за счет каких факторов формируется устойчивое превышение масштабов и уровня общей безработицы мужчин над масштабами и уровнем общей безработицы женщин

[1] Уровень безработицы среди населения определенной возрастной группы — отношение численности безработных этой возрастной группы к численности рабочей силы этой же возрастной группы, в процентах.

на российском рынке труда. В статье делается попытка оценить роль образования в этом процессе.

Бо́льшая распространенность безработицы среди женщин по сравнению с ее распространенностью среди мужчин считается глобальной проблемой (табл. 1). По данным МОТ в 2018 г. среднемировой уровень безработицы среди женщин составлял 6,0 %, что было на 0,8 п. п. выше аналогичного показателя у мужчин (соотношение уровней безработицы женщин и мужчин было равно 1,2). В соответствии со статистикой МОТ в мире гендерная асимметрия масштабов и уровней безработицы стабильна, и, более того, по прогнозам в ближайшем будущем их соотношение не изменится [World Employment… , 2018].

Таблица 1

Уровни безработицы женщин и мужчин и их соотношение в регионах мира[2]

Регионы	Уровень безработицы, %		Соотношение уровней безработицы женщин и мужчин
	Женщины	Мужчины	
Мир	6,0	5,2	1,2
Развивающиеся страны	6,1	4,6	1,3
Развитые страны	5,6	5,3	1,1
Северная Африка	19,5	9,1	2,1
Африканские страны к югу от Сахары	8,2	6,4	1,3
Латинская Америка и страны Карибского бассейна	9,5	6,8	1,4
Северная Америка	4,4	4,6	1,0
Арабские страны	16,3	6,8	2,4
Восточная Азия	4,2	4,8	0,9
Юго-Восточная Азия и Тихий океан	3,3	3,5	0,9
Южная Азия	5,2	3,7	1,4
Восточная Европа	4,9	5,6	0,9
Центральная и Западная Азия	9,4	8,0	1,2
Российская Федерация	4,7	4,9	0,9

Однако, если посмотреть на карту мира через призму гендерных различий показателей безработицы, картина окажется очень пестрой. Во многих регионах и странах мира ситуация с соотношением женской и мужской безработицы соответствует общемировым тенденциям, хотя имеет неодинаковую остроту. Так, в арабских странах в 2018 г. безработица среди женщин была намного больше ее среднемирового значения — 16,3 %, а ее уровень в 2,4 раза превышал соответствующий показатель у мужчин — 6,8 %. Схожая ситуация сложилась в странах Северной Африки, где уровень женской безработицы в среднем по региону был равен 19,5 %, превышая аналогичный показатель у мужчин в 2,1 раза.

[2] Эконометрические модели МОТ, ноябрь 2017 г., и базу данных по оценкам и прогнозам рабочей силы (LFEP) см.: URL: www.ilo.org/ILOSTAT (дата обращения: 24.05.2021).

В некоторых странах СНГ уровень безработицы женщин также выше, чем у мужчин (Казахстан, Кыргызстан, Армения, Азербайджан). Но гендерный разрыв показателей в этих странах скромнее и находится в диапазоне 1,1—1,5 раза.

В отдельных странах мира сформировалась гендерная симметрия показателей уровня безработицы. Список таких стран включает, например, Таиланд (где уровень безработицы составляет 0,8 % для обоих полов) и Израиль (по 3,8 %). В Венгрии, Польше и США наблюдается практически паритет рассматриваемых показателей (различия составляют не более 0,1 п. п.).

Кроме того, сейчас в мире достаточно стран, обладающих разным уровнем экономического и социального развития, где соотношение уровней женской и мужской безработицы противоположно среднемировому. Это страны Восточной Европы, где в среднем уровень женской безработицы составляет 0,9 от значений аналогичного показателя у мужчин: Беларусь, Бельгия, Канада, Китай, Финляндия и др. Российская Федерация входит в эту группу стран [United Nations Statistical Yearbook, 2020: 235—251].

Исследования гендерных проблем безработицы и факторов, их определяющих, имеют обширную и многолетнюю историю. В мире существует несколько межстрановых мониторингов различных проблем занятости, проводимых международными организациями, в которые включен анализ динамики гендерной асимметрии уровней и масштабов безработицы [Global Employment Trends… , 2007, 2008, 2009, 2012; World Employment and Social Outlook, 2017, 2018].

В последние годы, учитывая критическую ситуацию с молодежной безработицей в мире, международные исследования, нацеленные на освещение гендерных проблем безработицы, все чаще фокусируются на проблемах юношей и девушек при их переходе от учебы к работе. Помимо анализа законодательства разных стран, регулирующего положение молодежи в сфере занятости, сравнения уровней и масштабов безработицы юношей и девушек, изучаются гендерные различия в барьерах, возникающих у молодежи при поиске работы, анализируются дискриминационные практики при найме девушек на работу (см., напр.: [Элдер и др., 2015; Gender and Youth Employment… , 2017]).

В странах Европейского союза в последние десятилетия активно изучают межстрановые различия гендерных разрывов в уровне безработицы. В [Azmat et al., 2006; Bičáková, 2010, 2016] показывается, что эти различия за последние 20 лет во многих европейских странах увеличились, хотя варьируются в очень широких пределах. Частично эти вариации объясняются разницей человеческого капитала, накопленного мужчинами и женщинами, но наиболее важным фактором межстрановой дифференциации показателя выступают различия в продолжительности послеродовых/семейных отпусков и в отношении женщин, имеющих малолетних детей, к экономической активности.

В России исследований, посвященных анализу гендерной асимметрии уровня безработицы, было проведено мало. В основном они касались анализа различий уровней зарегистрированной безработицы. Исследований гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин, и причин ее формирования фактически нет. Только в [Обзор занятости… , 2002: 113; Капелюшников, Вишневская, 2003: 79] делается предположение, что сложившаяся асимметрия является следствием традиционно высокого уровня участия женщин

в рабочей силе, накопления ими опыта трудовой деятельности, что способствует укреплению их позиций в сфере труда, позволяя удерживать женскую безработицу на уровне, сопоставимом с мужской. Представляется, однако, что такое объяснение не является исчерпывающим.

В отечественных исследованиях гендерных проблем безработицы в качестве более традиционных сюжетов выступают изучение особенностей положения мужчин и женщин на рынке труда, анализ несходства причин их попадания в категорию безработных, выявление специфических способов поиска ими новой работы, гендерных различий в требованиях к желаемому месту работы, в отношении к регистрации в государственных службах занятости, в готовности участвовать в программах этих служб и пр. [Йонушкайте, 2004; Хоткина, 2002; Четвернина, Соболева, 2000; Рощин и др., 2005: 10—11].

Исследования, проведенные в соответствии с такой постановкой проблемы, показывают, что женская безработица в целом более продолжительна, чем мужская, при этом женщины активнее ищут работу, у них существенно ниже зарплатные ожидания, они чаще регистрируются в государственной службе занятости в качестве безработных и охотнее участвуют в активных программах этой службы.

В последние годы отечественные исследователи все чаще стали рассматривать гендерные проблемы безработицы исключительно как женские проблемы [Кузьмина, 2016; Хертек, 2016; Бабкова, 2016; Кошарная и др., 2019; Ермишкина, 2019]. В большинстве случаев результаты их деятельности представлены небольшими проектами, реализованными на примере отдельных категорий женщин или конкретных регионов страны.

Как у зарубежных, так и у российских исследователей достаточно много работ, посвященных тому, как образование влияет на риск потери рабочего места. Подавляющее большинство из них свидетельствует об обратной зависимости показателей уровней образования и безработицы [Капелюшников, Вишневская 2003: 85; Mincer, 1991; Wasim et al., 2017; García, 2017]. В то же время статистика говорит о том, что в ряде стран высокий уровень образования защищает мужчин от безработицы лучше, чем женщин [Баскакова и др., 2013: 40—58].

Данная статья представляет попытку оценить роль образования в формировании устойчивого превышения уровня общей безработицы мужчин над соответствующим уровнем безработицы женщин на российском рынке труда.

Гипотеза состоит в том, что одной из причин существования гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин, являются их более высокие показатели образования.

Информационная база исследования и методы анализа данных

Эмпирической базой исследования служат материалы выборочных обследований рабочей силы, проведенных Росстатом в 1992—2020 гг.

Для анализа статистических данных были применены методы логического анализа, математической статистики, регрессионного анализа и математического моделирования.

Гендерные различия показателей безработицы в России

В России в течение всего постсоветского периода показатель уровня общей безработицы среди мужчин был больше соответствующего показателя у женщин. Это соотношение показателей не зависело ни от состояния национальной экономики, ни от практики соблюдения трудового законодательства в тот или иной период, ни от изменений в экономической активности мужчин и женщин. Весь период колебания уровней общей безработицы тех и других происходили достаточно синхронно, а гендерный разрыв значений показателя колебался весьма скромно — от 0 п. п. в 1992 г. до 1,2 п. п. в 2009 г. в пользу женщин (рис. 1).

Даже в кризисные годы, когда уровень общей безработицы достигал своего локального максимума (1998 г. — 13,2 %, 2009 г. — 8,4 %, 2015 г. — 5,6 %), сокращения в различиях этих показателей у мужчин и женщин не происходило.

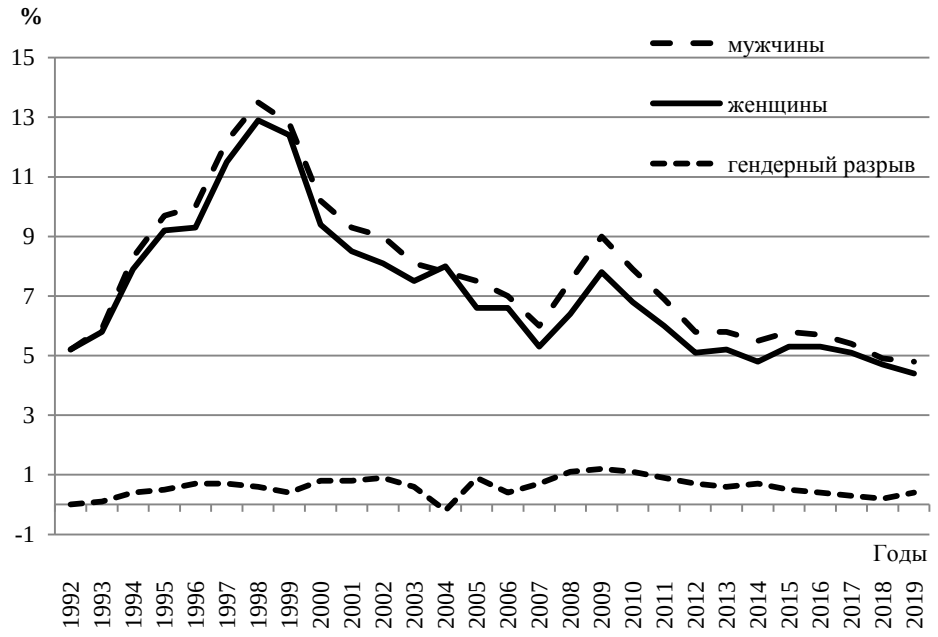

Рис. 1. Динамика уровня общей безработицы мужчин и женщин

Масштабы общей безработицы за все время наблюдений также были гендерно асимметричны в пользу женщин. Их доля среди безработных, учитываемых на основании методологии МОТ, всегда была ниже доли мужчин, колеблясь от 44,8 % (в 1997 г.) до 47,6 % (в 2018 г.).

Соотношение показателей общей безработицы женщин и мужчин менялось на противоположное только 2 раза. Первый раз — в 2004 г., когда уровень общей безработицы женщин (8,0 %) превысил аналогичный показатель у мужчин (7,8 %) на 0,2 п. п. Причем доля женщин среди безработных все равно оставалась меньше доли мужчин. Впрочем, поскольку ситуация, сложившаяся на этот момент на российском рынке труда, не отличалась ничем экстраординарным, это можно считать случайной флуктуацией.

Второй раз — в 2020 г., когда из-за ограничений деятельности ряда отраслей и передвижения населения, вызванных пандемией COVID-19, в тяжелую экономическую ситуацию попали преимущественно феминизированные виды экономической деятельности, а также существенно сократился объем услуг учреждений общественного ухода за детьми, что серьезно осложнило участие женщин в оплачиваемой занятости. В мае уровень общей безработицы мужчин поднялся до 6,0 %, а у женщин — до 6,1 %. Правда, уже в декабре ситуация вернулась на круги своя: уровень безработицы мужчин — 6,0 % — вновь превысил этот уровень у женщин — 5,8 %.

Гендерные проблемы российского рынка труда

Превышение масштабов и уровня общей безработицы мужчин над масштабами и уровнем общей безработицы женщин парадоксальным образом формируется на рынке труда, где положение мужчин по многим параметрам сегодня лучше, чем у женщин.

О сниженной конкурентоспособности женщин на рынке труда свидетельствуют различия в структуре причин, по которым женщины и мужчины оказываются безработными. Например, мужчины чаще становятся безработными после добровольного увольнения. Так, в 2019 г. среди безработных мужчин доля уволившихся по собственному желанию составляла 31,6 %, среди безработных женщин — 26,6 %. Кроме того, молодым женщинам сложнее найти первую работу. Среди безработных женщин доля тех, кто не имел опыта работы, была равна 27,2 %, у мужчин только 21,9 %.

У женщин дополнительным фактором, повышающим риск оказаться в ситуации безработицы, является наличие малолетнего ребенка. Российское трудовое законодательство жестко охраняет беременных женщин и родителей, находящихся в отпусках по уходу за малолетними детьми, от дискриминационных увольнений. Но на практике часть таких работников, а это, как правило, женщины, все же теряют свое рабочее место по вине работодателя. Только по данным официальной статистики их доля среди вышедших на работу из отпусков по уходу за ребенком составляет 2,4 %[3].

Кроме того, молодые женщины сталкиваются с более высокими барьерами при трудоустройстве, чем юноши. Хотя национальным законодательством запрещены отказы в приеме на работу по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами претендента на вакансию, на практике девушкам чаще, чем юношам, при собеседовании задаются «личные вопросы» (о семейном положении, наличии детей и планах на их рождение и др.) [Баскакова и др., 2018: 92—94].

При этом многие современные работодатели по-прежнему предпочитают брать на работу мужчин. Опрос представителей отечественных компаний показал, что, выбирая будущего сотрудника, большинство из них «при прочих равных условиях» предпочитают взять на работу мужчину (7 % — «однозначно мужчину» и 50 % — «скорее мужчину») [Работодатели… , 2019].

О более острых проблемах женщин на рынке труда свидетельствуют также и гендерные различия в продолжительности безработицы. Несмотря на то что

[3] База данных Комплексного наблюдения условий жизни населения — КОУЖ-2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 24.05.2021).

безработные женщины в среднем активнее мужчин ищут новую работу, а их зарплатные ожидания скромнее [Женское большинство… , 2020], продолжительность поиска ими нового рабочего места превышает аналогичный показатель у мужчин. Например, в кризисном 2009 г. безработные женщины в среднем искали работу 8,1 месяца, мужчины — 7,7 месяца, а в 2019 г. — благополучном для российского рынка труда — соответственно 7,0 и 6,8 месяца. Это является одной из причин того, что безработица у женщин чаще, чем у мужчин, приобретает застойный характер. Так, в 2008 г. среди безработных женщин 36,0 % искали работу 12 месяцев и более, среди мужчин — 31,0 %, в 2019 г. — 24,0 и 23,1 % соответственно.

Влияние образования населения на параметры безработицы

Образование населения оказывает огромное влияние на параметры его экономической активности, занятости и безработицы. В России, как и во многих странах мира, между уровнями образования и занятости существует прямая зависимость, а между уровнями образования и общей безработицы — обратная. Иными словами, для наиболее образованных групп населения характерен наиболее высокий уровень занятости и наименьшие риски оказаться в ситуации безработицы. И наоборот, для наименее образованного населения свойствен низкий уровень занятости и высокая вероятность потери работы.

При этом статистические данные показывают, что при сохранении общих тенденций образование мужчин и женщин все же оказывает неодинаковое влияние на параметры их участия в экономике. В качестве иллюстрации на рис. 2 приведены данные Росстата за 2017 г. об уровне занятости и общей безработицы женщин и мужчин в зависимости от уровня их образования.

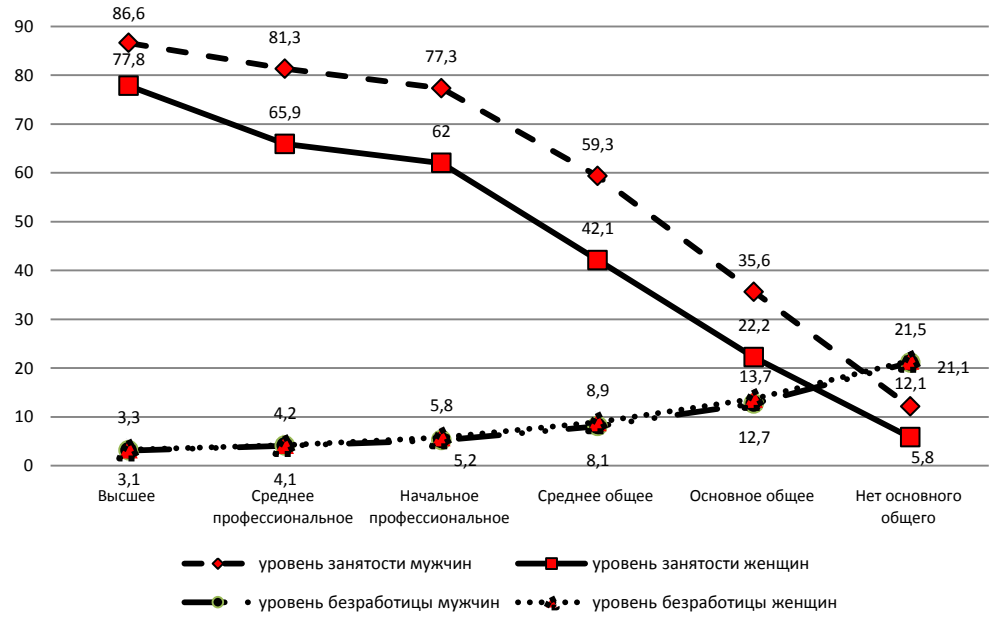

Рис. 2. Уровень занятости и общей безработицы женщин и мужчин в зависимости от их уровня образования, 2017 г., %

Следует в первую очередь отметить, что при условии одинакового образования мужчин и женщин уровни экономической активности и занятости у мужчин всегда и значительно превышают соответствующие показатели у женщин.

В то же время воздействие образования на безработицу фактически не имеет гендерной дифференциации.

При анализе гендерных профилей уровней безработицы групп населения с одинаковым образованием стоит обратить внимание на то, что положительное влияние уровня образования на сокращение рисков потери работы справедливо и для женщин, и для мужчин в течение всего периода наблюдений.

Следует также отметить, что внутри каждой из 4 групп с наиболее высоким уровнем образования (высшее, среднее профессиональное, полное общее, основное общее) уровни безработицы женщин и мужчин близки. В то же время в группах, имеющих основное общее и только начальное общее образование, размах показателей уровней безработицы и женщин, и мужчин очень значителен. Наиболее вероятными объяснениями нестабильности показателей являются, во-первых, малая наполняемость групп, во-вторых, то, что в эти группы входят преимущественно наиболее молодые участники рынка труда, которые из-за отсутствия профессиональных навыков работают, как правило, по сквозным профессиям низкоквалифицированного труда, т. е. контингент, чья занятость часто даже не предполагает стабильного рабочего места.

Более того, чем выше уровень образования, тем меньше у мужчин и женщин различаются уровни их общей безработицы. Так, среди имеющих высшее образование у мужчин среднее значение уровня безработицы за 1992—2018 гг. было равно 3,9 %, у женщин — 4,0 %, среди имеющих среднее профессиональное образование — соответственно 6,1 и 6,0 %, начальное профессиональное образование — 8,0 и 8,6 %, полное общее образование — 10,1 и 10,9 %, общее среднее — 14,3 и 13,7 %, среди не имеющих начального общего образования — 15,5 и 12,9 % соответственно.

И у мужчин, и у женщин, обладающих одинаковым уровнем образования, уровни общей безработицы хотя и различаются, но эти различия минимальны и разнонаправленны.

При этом, как показывают статистические данные за 1992—2018 гг., уровни безработицы женщин и мужчин с одинаковым образованием в разные годы могут различаться как в пользу одних, так и в пользу других.

Так, в группах со средним профессиональным, основным общим, начальным общим образованием уровень безработицы мужчин в рассматриваемый период в основном превышал уровень безработицы женщин, хотя в отдельные годы их соотношение менялось.

Среди населения с начальным профессиональным и полным общим образованием более высокие уровни безработицы все годы имели исключительно женщины.

Среди имеющих высшее профессиональное образование соотношение уровней безработицы женщин и мужчин в течение рассматриваемого периода многократно менялось, причем не представляется возможности выделить однозначно выигрывающего.

Оценить влияние пола g и образования e на уровень безработицы в каждой группе можно с помощью регрессионной двухфакторной модели

$$U_e^g(y) = U(y) \cdot K_1(g) \cdot K_2(e), g = 1,2;\ e = 1, \dots, 5;\ y = 1992, \dots, 2019,$$

где $U_e^g(y)$ — уровень общей безработицы в группе рабочей силы g-го пола с уровнем образования e в году y;

$U(y)$ — уровень общей безработицы в году y;

$K_1(g)$ — коэффициент фактора пола g;

$K_2(e)$ — коэффициент фактора уровня образования e.

При этом принято два допущения. Во-первых, из рассмотрения исключена группа наименее образованных безработных — мужчин и женщин, имеющих образование не выше начального общего. Такое решение было принято в связи с низкой статистической наполненностью этих групп, что предопределило чрезмерную волатильность ключевого показателя.

Во-вторых, принято предположение о неизменном влиянии факторов пола и образования на уровень общей безработицы в течение всего периода наблюдений вне зависимости от состояния экономики страны.

Расчеты показали (табл. 2), что фактор пола оказывает слабое влияние на уровень безработицы. Принадлежность к женскому полу увеличивает на 1 % уровень безработицы, принадлежность к мужскому — уменьшает на 1 %.

Таблица 2

Результаты расчета вклада фактора пола в уровень общей безработицы

g	Пол	K_1
1	Женщины	101 %
2	Мужчины	99 %

В то же время образование оказывает значимое влияние на уровень общей безработицы (табл. 3). Высшее образование снижает риски потери работы в среднем на 48 %, среднее профессиональное — на 21 %, в то время как начальное профессиональное увеличивает эти риски на 7 %, полное общее — на 41 %, основное общее — на 88 %.

Таблица 3

Результаты расчета вклада фактора образования в уровень общей безработицы

e	Уровень образования	K_2
1	Высшее	52 %
2	Среднее профессиональное	79 %
3	Начальное профессиональное	107 %
4	Полное общее	141 %
5	Основное общее	188 %

Иными словами, на современном российском рынке труда образование оказывает на безработицу женщин и мужчин схожее влияние: более высокий уровень образования сокращает риски попадания в ситуацию безработицы, а при одинаковых уровнях образования не формируется однозначных преимуществ в сохранении рабочего места.

Гендерные различия в уровне образования экономически активного населения

В России для женщин и мужчин законодательно обеспечен равный доступ ко всем уровням общего и профессионального образования. Начальное общее, основное общее и среднее общее образование являются обязательными уровнями в нашей стране, поэтому гендерный состав учащихся здесь соответствует демографическому составу молодежи. Профессиональное образование не является обязательным, но для женщин и мужчин законодательно гарантируются общедоступность и бесплатность начального и среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования (если образование получается впервые). Какой уровень образования выбрать — личное дело гражданина.

Выбор этот формируется под воздействием множества факторов, анализ которых выходит за рамки данной работы. Но одним из самых устойчивых во времени результатов этого выбора является гендерная асимметричность состава студентов, обучающихся в профессиональных учебных заведениях разного уровня, причем направление этой асимметрии зависит от уровня образования. Женщины значительно более полно, чем мужчины, используют возможности получения профессионального образования, гарантированные государством. Они составляют большинство среди всех учащихся профессиональной школы, предпочитая при этом получение образования высоких уровней. Мужчины чаще, чем женщины, ограничиваются его средним и низким уровнями.

Еще в РФСФР в 1985/86 учебном году доля девушек среди студентов высших учебных заведений составляла 56 %, среди студентов средних специальных заведений — 59 %, а накануне радикальных экономических перемен (1988/89 учебный год) — 55 и 58 % соответственно. В постсоветский период эта ситуация мало изменилась. Высшее образование остается феминизированным. В 2003—2008 гг. доля девушек среди студентов доходила до 57%, но в последнее время она снизилась. В 2019/20 учебном году среди учащихся вузов девушек было «только» 53 %.

По данным Росстата в среднем профессиональном образовании состав учащихся в последние годы трансформировался в гендерно-нейтральный: доля девушек среди студентов сегодня сократилась до 49,6 %. Среди получающих рабочие профессии девушек по-прежнему мало — 29,3 %.

Многолетняя феминизация высшего и среднего специального образования наряду с маскулинизацией начального в конечном счете привели к росту различий в уровне образования экономически активных мужчин и женщин. На фоне общего повышения уровня образования всего населения у работающих женщин рост уровня образования происходил значительно быстрее, чем у мужчин. В СССР еще в 1960 г. среди специалистов с высшим и средним специальным образованием женщины составляли большинство — 59 % [Женщины… , 1989: 19]. В литературе это было отмечено еще в середине 70-х гг. [Штейнер и др., 1976: 57—58]. Важно также и то, что тренд на феминизацию высоких уровней профессионального образования сложился несколько десятилетий назад, поэтому сегодня среди работающего населения превышение уровня образования женщин над уровнем образования мужчин характерно для всех возрастных групп.

Официальная статистика позволяет проследить изменения в структуре рабочей силы дифференцированно по полу и уровню образования начиная с 1992 г. За все время наблюдения среди экономически активных мужчин доля имеющих высшее профессиональное образование постоянно росла (с 16,5 % в 1992 г. до 29,3 % в 2018 г.), но все эти годы оказывалась меньше соответствующей доли женщин (18,9 и 38,1 %). Причем гендерный разрыв значений этих показателей постоянно увеличивался (в 1992 г. — 2,4 п. п., в 2018 г. — 8,8 п. п.). Сегодня и у женщин, и у мужчин доля имеющих этот уровень образования является самой значительной в образовательных структурах их рабочей силы.

Иная картина наблюдается с гендерными различиями долей экономически активного населения, имеющего среднее профессиональное образование. И у женщин, и у мужчин сложилась тенденция к сокращению числа тех, кто имеет этот уровень профессионального образования (за 1992—2018 гг. у женщин с 37,0 до 29,2 %, у мужчин — с 26,3 до 21,6 %). При этом доля мужчин, обладающих средним профессиональным образованием, всегда была существенно меньше соответствующей доли у женщин. В последнее время можно наблюдать некоторое сокращение гендерного разрыва показателя (если еще в 2010 г. он составлял 10,1 п. п., то в 2018 г. — 7,6 п. п.). Сегодня доля женщин, имеющих среднее профессиональное образование, уступает только доле имеющих высшее образование. У мужчин она на 3-м месте (после имеющих высшее и начальное профессиональное образование).

Удельные веса женщин и мужчин, имеющих начальное профессиональное образование, в структуре их рабочей силы демонстрируют относительную стабильность во времени. Соответственно почти неизменным остается практически двукратное превышение доли мужчин над соответствующей долей женщин (в 2018 г. — 24,2 и 14,4 % соответственно).

Что касается доли экономически активного населения, не имеющего профессионального образования, то она стремительно сокращается как у тех, так и у других. Но при этом доли мужчин, имеющих образование в пределах средней (полной), основной и начальной школы, неизменно оказываются значительно выше соответствующих долей женщин. Следует отметить, что в настоящее время рабочая сила, имеющая образование в пределах основного общего образования, на рынке труда уже стала экзотикой и представлена преимущественно самыми молодыми участниками рынка труда или гражданами с ограниченными возможностями здоровья.

Таким образом, весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется большая по сравнению с мужчинами доля тех, кто имеет высокие уровни образования, что, в свою очередь, обусловливает низкие риски попадания в ситуацию безработицы для таких женщин. Так, в 1992 г. 56 %, а в 2018 г. 67 % экономически активных женщин страны имели высшее или среднее профессиональное образование, у мужчин — 44 и 51 %.

И наоборот, весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется меньшая по сравнению с мужчинами доля тех, кто не имеют даже полного среднего образования, а следовательно, имеют повышенные риски оказаться безработными. В 1992 г. только 14 %, а в 2018 г. 3 % экономически

активных женщин страны имели наименьшие из рассматриваемых уровни образования (в пределах основного общего), у мужчин — 21 и 5 %.

Такая асимметрия образовательных структур экономически активных женщин и мужчин при всех прочих равных условиях предполагает более низкие риски потери работы у всей совокупности работающих женщин, нежели у всей совокупности работающих мужчин.

Каким бы был гендерный разрыв в уровне безработицы, если бы мужчины и женщины имели одинаковый уровень образования

Таким образом, можно предположить, что наблюдаемый гендерный разрыв в уровнях общей безработицы мужчин и женщин обусловлен в том числе имеющимися различиями в их образовательной структуре. Для проверки этой гипотезы проведем моделирование, которое позволит оценить гендерные различия уровней общей безработицы при условии, что образовательные структуры у экономически активных мужчин и женщин идентичны. С этой целью зафиксируем уровень безработицы мужчин $U_m(y)$ и их образовательную структуру на прежнем уровне, а также рассчитаем гипотетический уровень безработицы женщин $U_w^*(y)$ в году y по формуле

$$U_w^*(y) = \sum_{e=1}^{6} U_w^e(y) \cdot \frac{N_m^e(y)}{N_m(y)}, y = 1992, \dots, 2019,$$

где $U_w^e(y)$ — реальный уровень безработицы женщин с уровнем образования e;
$N_m(y)$ — численность рабочей силы мужского пола в году y;
$N_m^e(y)$ — численность рабочей силы мужского пола с уровнем образования e в году y.

Следовательно, гипотетический уровень безработицы женщин в году y рассчитывается как уровень безработицы женщин $U_w^e(y)$ с уровнем образования e, средневзвешенный по образовательной структуре численности рабочей силы мужчин. При этом реальный $\delta(y)$ и гипотетический $\delta^*(y)$ гендерный разрыв в году y рассчитывается по формулам

$$\delta(y) = U_m(y) - U_w(y)$$

и

$$\delta^*(y) = U_m(y) - U_w^*(y).$$

Результаты расчета представлены на рис. 3, а средние значения реального $\bar{\delta}$ и гипотетического $\bar{\delta}^*$ гендерного разрыва равны 0,593 и –0,048 соответственно. Визуальный анализ графиков, представленных на рис. 3, показывает, что $\delta^*(y) \approx 0$, что не противоречит ранее сделанному предположению, согласно которому гендерный разрыв в уровне общей безработицы в значительной мере объясняется различиями в структуре по образованию мужчин и женщин. Формальная проверка нулевой гипотезы $H_0: \bar{\delta}^* = 0$ при конкурирующей гипотезе $H_1: \bar{\delta}^* \neq 0$ и уровне значимости $\alpha = 0{,}05$ подтверждает этот вывод. Так, статистика критерия $T = \bar{\delta} \cdot \sqrt{n} \cdot s^{-1} = -0{,}748$, квантиль распределения Стьюдента $t_{\alpha/2 n-1} = 2{,}056$, т. е. $|T| < t_{\alpha/2 n-1}$ и, следовательно, H_0 принимается.

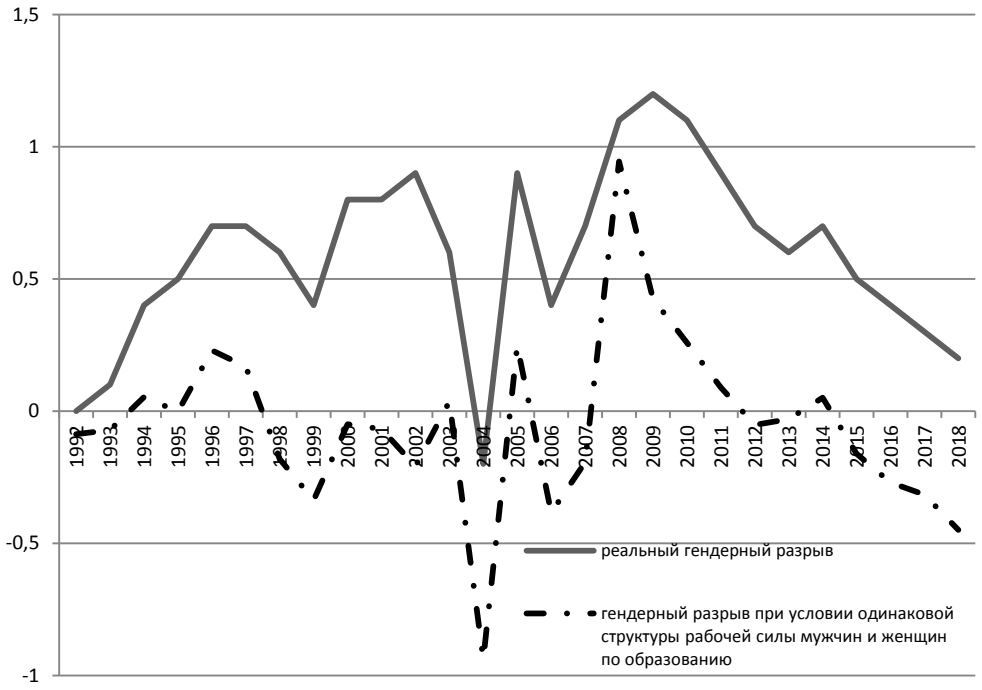

Рис. 3. Динамика реального и гипотетического гендерного разрыва в уровне общей безработицы

Таким образом, проведенные расчеты позволяют сделать статистически значимый вывод о том, что огромное преимущество российских экономически активных женщин в образовании является одним из важных факторов формирования стабильного превышения уровня общей безработицы мужчин над уровнем общей безработицы женщин. Причем в ближайшем будущем ситуация не изменится, поскольку девушки составляли и продолжают составлять большинство среди студентов учреждений высшего и среднего профессионального образования и, следовательно, гендерная асимметрия образовательных структур экономически активного населения будет сохраняться.

Заключение

Анализ данных обследования населения по проблемам занятости за 1992—2019 гг. показал, что уровень общей безработицы мужчин был больше соответствующего показателя женщин в течение практически всего постсоветского развития страны. На соотношение показателей не влияли ни состояние национальной экономики, ни уровень экономической активности мужчин и женщин, ни масштабы дискриминационных практик в отношении женщин на рынке труда.

Подтвердилась гипотеза исследования, что образование является одним из важных факторов формирования гендерной асимметрии уровня общей безработицы, благоприятной для женщин. Расчеты показали, что в целом на современном российском рынке труда образование оказывало на безработицу значимое

влияние. Высшее образование снижало риски потери работы в среднем на 48 %, среднее профессиональное — на 21 %, в то время как начальное профессиональное образование увеличивало эти риски на 7 %, полное общее — на 41 %, основное общее — на 88 %. При этом более высокий уровень образования у женщин и мужчин синхронно сокращал риски попадания в ситуацию безработицы, а низкий уровень образования практически одинаково их увеличивал. То есть при равном образовании женщин и мужчин не создавалось однозначных преимуществ в сохранении рабочего места ни у тех, ни у других.

Ключевую роль в формировании гендерных различий уровня общей безработицы, благоприятных для женщин, играет в целом их более высокий уровень образования. Весь период наблюдения среди экономически активных женщин сохраняется большая по сравнению с мужчинами доля тех, кто имеет высокие уровни образования (сегодня 67 % экономически активных женщин страны имеют высшее или среднее профессиональное образование, мужчин — 51 %), что, в свою очередь, обусловливает низкие риски попадания в ситуацию безработицы. И наоборот, среди экономически активных женщин сохраняется меньшая по сравнению с мужчинами доля тех, кто не имеет даже полного среднего образования, а следовательно, имеет повышенные риски остаться за пределами сферы занятости.

Тревогу вызывает тот факт, что сложившаяся ситуация маскирует существование дискриминации в отношении женщин на российском рынке труда, создавая иллюзию гендерной нейтральности имеющихся трудовых отношений. И это может стать тормозом для дальнейшего проведения государственной политики по ликвидации этих проблем.

Библиографический список

Бабкова Е. М. Социально-профессиональная активность женщин и их отношение к безработице // Via scientiarum = Дорога знаний. 2016. № 3. С. 13—16.

Баскакова М. Е., Баллаева Е. А., Елизаров В. В. и др. Экономическая активность женщин в странах АТЭС и в России: масштабы, препятствия, резервы развития. М.: Моск. соц.-экон. ин-т, 2013. 144 с.

Баскакова М., Соболева И., Чубарова Т. Социально-экономическая защищенность женщин в сфере труда // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 85—100.

Ермишкина О. М. Женская безработица: проблемы и последствия // Актуальные вопросы экономики и финансов. 2019. № 1. С. 116—119.

Женское большинство диктует свои правила на рынке труда Москвы в финансовой аналитике и экономике. Юриспруденция — на очереди // SuperJob. 2020. 25 ноября. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/112550/zhenskoe-bolshinstvo-diktuet-svoi-pravila-na-rynke-truda-moskvy-v-finansovoj-analitike-i-ekonomike/ (дата обращения: 24.05.2021).

Женщины в СССР, 1989: статистические материалы. М.: Финансы и статистика, 1989.

Йонушкайте И. Й. Динамика безработицы в годы реформ: гендерный аспект // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / ред. М. Е. Баскакова. М.: УРСС, 2004. С. 91—129.

Капелюшников Р. И., Вишневская Н. Т. Феномен российской безработицы: динамика, структура, специфика. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003. 191 с.

Кошарная Г. Б., Тарханова Е. С., Данилова Е. А. Особенности женской безработицы в современном российском обществе // Власть. 2019. Т. 27, № 4. С. 187—195.

Кузьмина Р. А. Женская безработица и проблемы ее регулирования в арктических периферийных муниципальных поселениях // Евразийский союз ученых. 2016. № 28-3. С. 10—12.

Обзор занятости в России. М.: ТЕИС, 2002. Вып. 1: 1992—2000 гг. 351 с.

Работодатели стали реже обращать внимание на семейное положение соискателей, но гендерные предпочтения остались // SuperJob. 2019. 1 марта. URL: https://www.superjob.ru/research/articles/112173/rabotodateli-stali-rezhe-obraschat-vnimanie-na-semejnoe-polozhenie-soiskatelej/ (дата обращения: 24.05.2021).

Рощин С. Ю., Зубаревич Н. В., Айвазова С. Г. Гендерное неравенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте Целей развития тысячелетия. М.: ИНФОРЕС-ПРИНТ, 2005. 55 с.

Хертек Ш. В. Женская занятость и безработица в Республике Тыва // Sciences of Europe. 2016. № 9-1. С. 62—65.

Хоткина З. А. Гендерный подход к анализу труда и занятости // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002. С. 353—378.

Четвернина Т. Я., Соболева И. В. Оценка конкурентоспособности женщин на российском рынке труда // Вопросы социально-экономической политики России в гендерном аспекте. М.: Юнеско, 2000. С. 43—55.

Штейнер А. В., Багров А. А., Бонн Э. И. Использование женского труда в народном хозяйстве. М.: НИИ труда, 1976. 189 с.

Элдер С., Баркуччи В., Гурбузер Й., Перардель И., Принчипи М. Переход на рынок труда молодых женщин и мужчин в странах Восточной Европы и Центральной Азии. Женева: Междунар. бюро труда, 2015. 104 с.

Azmat G., Guell M., Manning A. Gender gaps in unemployment rates in OECD countries // Journal of Labor Economics. 2006. Vol. 2, № 1. P. 1—37.

Bičáková A. Gender unemployment gaps: evidence from the New EU member states // CERGE-EI Working Paper Series. 2010. Vol. 20, № 2. P. 41—97.

Bičáková A. Gender unemployment gaps in the EU: blame the family // IZA Journal of European Labor Studies. 2016. Vol. 5, № 22. P. 5—22.

García A. Gender differences in unemployment dynamics and initial wages over the business cycle // Journal of Labor Research. 2017. Vol. 38. P. 228—260.

Gender and Youth Employment in the Commonwealth of Independent States: Trends and Key Challenges / The Decent Work Technical Support Team and the ILO Office for Eastern Europe and Central Asia. ILO, 2017. 258 p.

Global Employment Trends for Women. ILO, 2007; 2008; 2009; 2012. URL: http://ILO.org (дата обращения: 24.05.2021).

Mincer J. Education and Unemployment of Women / NBER. 1991. September. Working Paper № w3837. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=245840 (дата обращения: 24.05.2021).

United Nations Statistical Yearbook. United Nations, 2020. Iss. 63. 501 p.

Wasim Q., Syed A., Arshian Sh. Higher education development and unemployment in Pakistan: evidence from structural break testing // Global Business Review. 2017. Vol. 18, № 5. P. 1—22.

World Employment and Social Outlook: Trends for Women (2017, 2018). ILO, 2017; 2018. URL: http://ILO.org (дата обращения: 24.05.2021).

References

Azmat, G., Guell, M., Manning, A. (2006) Gender gaps in unemployment rates in OECD countries, *Journal of Labor Economics*, vol. 2, no. 1, pp. 1—37.

Babkova, E. M. (2016) Sotsial'no-professional'naia aktivnost' zhenshchin i ikh otnoshenie k bezrabotitse [Social and professional activity of women and their attitude to unemployment], *Via scientiarum = Doroga znanii*, no. 3, pp. 13—16.

Baskakova, M., Soboleva, I., Chubarova, T. (2018) Sotsial'no-ėkonomicheskaia zashchishchënnost' zhenshchin v sfere truda [Socio-economic protection of women on the labour market], *Vestnik Instituta ėkonomiki Rossiĭskoĭ akademii nauk*, no. 2, pp. 85—100.

Baskakova, M. E., Ballaeva, E. A., Elizarov, V. V. et al. (2013) *Ėkonomicheskaia aktivnost' zhenshchin v stranakh ATĖS i v Rossii: masshtaby, prepiatstviia, rezervy razvitiia* [Economic activity of women in APEC countries and in Russia: scales, obstacles, development reserves], Moscow: Moskovskiĭ sotsial'no-ėkonomicheskiĭ institut.

Bičáková, A. (2010) Gender unemployment gaps: Evidence from the new EU member states, *CERGE-EI Working Paper Series*, 2010, vol. 20, no. 2, pp. 41—97.

Bičáková, A. (2016) Gender unemployment gaps in the EU: blame the family, *IZA Journal of European Labor Studies*, vol. 5, no. 22, pp. 5—22.

Chetvernina, T. Ia., Soboleva, I. V. (2000) Otsenka konkurentosposobnosti zhenshchin na rossiĭskom rynke truda [Assessment of the competitiveness of women in the Russian labour market], in: *Voprosy sotsial'no-ėkonomicheskoĭ politiki Rossii v gendernom aspekte*, Moscow: UNESCO, pp. 43—55.

Ėlder, S., Barcuchi, V., Gurbuzer, Y., Perardel', I., Princhipi, M. (2015) *Perekhod na rynok truda molodykh zhenshchin i muzhchin v stranakh Vostochnoĭ Evropy i Tsentral'noĭ Azii* [Labour market transitions of young women and men in Eastern Europe and Central Asia], Zheneva: Mezhdunarodnoe biuro truda.

Ermishkina, O. (2019) Zhenskaia bezrabotitsa: problemy i posledstviia [Women's unemployment: problems and consequences], in: *Aktual'nye voprosy ėkonomiki i finansov*, no 1, pp. 116—119.

García, A. (2017) Gender differences in unemployment dynamics and initial wages over the business cycle, *Journal of Labor Research*, vol. 38, pp. 228—260.

Gender and Youth Employment in the Commonwealth of Independent States: Trends and Key Challenges (2017), ILO.

Global Employment Trends for Women (2007, 2008, 2009, 2012), ILO, available from http://ILO.org (accessed 24.05.2021).

Kapeliushnikov, R. I., Vishnevskaia, N. T. (2003) *Fenomen rossiĭskoĭ bezrabotitsy: dinamika, struktura, spetsifika* [The phenomenon of Russian unemployment: dynamics, structure, specificity], Moscow: Moskovskiĭ obshchestvennyĭ nauchnyĭ fond.

Khertek, Sh. V. (2016) Zhenskaia zaniatost' i bezrabotitsa v Respublike Tyva [Women's employment and unemployment in the Tyva Republic], *Sciences of Europe*, no. 9-1, pp. 62—65.

Khotkina, Z. (2002) Gendernyĭ podkhod k analizu truda i zaniatosti [Gender approach to the analysis of labour and employment], in: *Gendernyĭ kaleĭdoskop*, Moscow: Academia, pp. 353—378.

Kosharnaia, G. B., Tarkhanova, E. S., Danilova, E. A. (2019) Osobennosti zhenskoĭ bezrabotitsy v sovremennom rossiĭskom obshchestve [Features of female unemployment in modern Russian society], *Vlast'*, vol. 27, no. 4, pp. 187—195.

Kuz'mina, R. A. (2016) Zhenskaia bezrabotitsa i problemy eë regulirovaniia v arkticheskikh periferiĭnykh munitsipal'nykh poseleniiakh [Female unemployment and problems of its

regulation in the Arctic peripheral municipal settlements], *Evraziĭskiĭ soiuz uchënykh*, no. 28-3, pp. 10—12.

Mincer, J. (1991) *Education and Unemployment of Women*, NBER, Working Paper no. w3837, available from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=245840 (accessed 24.05.2021).

Obzor zaniatosti v Rossii (2002) [An overview of employment in Russia], vol. 1: 1992—2000, Moscow: TEIS.

Rabotodateli stali rezhe obrashchat' vnimanie na semeĭnoe polozhenie soiskateleĭ, no gendernye predpochteniia ostalis' (2019) [Employers pay less attention at the marital status of the applicants but gender preferences still remain], *SuperJob*, March, 1, available from https://www.superjob.ru/research/articles/112173/rabotodateli-stali-rezhe-obraschat-vnimanie-na-semejnoe-polozhenie-soiskatelej/ (accessed 24.05.2021).

Roshchin, S. Iu., Zubarevich, N. V., Aĭvazova, S. G. (2005) *Gendernoe neravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnosteĭ zhenshchin v Rossii v kontekste Tseleĭ razvitiia tysiacheletiia* [Gender inequality and the empowerment of women in Russia in the context of the Millennium Development Goals], Moscow: INFORES-PRINT.

Shteĭner, A. V., Bagrov, A. A., Bonn, Ė. I. (1976) *Ispol'zovanie zhenskogo truda v narodnom khoziaĭstve* [Women's work in the national economy], Moscow: Nauchno-issledovatel'skiĭ institut truda.

United Nations Statistical Yearbook (2020), iss. 63, United Nations.

Wasim, Q., Syed, A., Arshian, Sh. (2017) Higher education development and unemployment in Pakistan: evidence from structural break testing, *Global Business Review*, vol. 18, no. 5, pp. 1—22.

World Employment and Social Outlook: Trends for Women (2017, 2018), ILO.

Ĭonushkaĭte, I. Ĭ. (2004) Dinamika bezrabotitsy v gody reform: gendernyĭ aspect [Dynamics of unemployment in the years of reforms: gender aspect], in: *Gendernoe neravenstvo v sovremennoĭ Rossii skvoz' prizmu statistiki*, Moscow: URSS.

Zhenshchiny v SSSR, 1989: Statisticheskie materialy (1989) [Women in the USSR, 1989: Statistical materials], Moscow: Finansy i statistika.

Zhenskoe bol'shinstvo diktuet svoi pravila na rynke truda Moskvy v finansovoĭ analitike i ėkonomike. ĭurisprudentsiia — na ocheredi (2020) [The female majority dictates its own rules in the Moscow labour market in financial analytics and economics. Law — next in line], *SuperJob*, November, 25, available from https://www.superjob.ru/research/articles/112550/zhenskoe-bolshinstvo-diktuet-svoi-pravila-na-rynke-truda-moskvy-v-finansovoj-analitike-i-ekonomike/ (accessed 24.05.2021).

Статья поступила 25.05.2021 г.

Информация об авторе / Information about the author

Баскакова Марина Евгеньевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; Всероссийская академия внешней торговли, г. Москва, Россия, baskakovame@mail.ru (Dr. Sc. (Economy), Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russian Federation).